

ББК Ю251.1 + ТО
УДК 101.9 + 94(100)

*Э. Е. Мейер, Е. В. Гредновская
E. Meyer, E. Grednovskaya
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU*

**«ГАБИТУАЛЬНАЯ» ТЕОРИЯ П. БУРДЬЕ И ЕЁ ПРИМЕНИМОСТЬ
К ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ
АНТИЧНОСТИ**
**HABITUAL THEORY OF PIERRE BOURDIEU AND ITS APPLICABILITY
TO STUDY MATERIALS OF HISTORY LATE ANTIQUITY**

Аннотация: В данной статье кратко рассматриваются основные вопросы и понятия теории П. Бурдьё и возможность их применимости к анализу исторических материалов по истории в целом. Основное внимание при этом уделяется истории позднеантичного периода.

Ключевые слова: Габитус; социальное пространство; диспозиция; символический капитал; поздняя античность; антиковедение; Римская империя.

Abstract: This article briefly examines the main issues and concepts of the theory of Pierre Bourdieu and their potential applicability to the analysis of historical materials on the history of the whole. The main attention is paid to the history of the late antique period.

Keywords: Habitus; social space; the disposition; the symbolic capital; late antiquity; the study of antiquity; the Roman Empire.

Разработка новых теоретических парадигм исторического знания, формирование новых объяснительных моделей исторического процесса, плотное введение в историческую науку новых методов, связанных с пониманием ментального состояния людей в различные периоды развития социального пространства, понимание сущности происходящих явлений «изнутри» являются сейчас наиболее актуальными тенденциями в отечественной и зарубежной исторической науке и пересекающихся с ней междисциплинарных областях. С прошлого века историки разрабатывают вопросы, связанные с историей сознания, его сознательных и бессознательных элементов, а также влиянием на них геофизической и социальной составляющих, их изменений в рамках межкультурного взаимодействия.

Одну из попыток сформулировать эффективную объяснительную модель социального пространства, положения в нем человека, а также принципов поведения определенных социальных групп во второй половине XX произвел выдающийся французский социолог Пьер Бурдьё.

Однако, несмотря на то, что в его социологической концепции социального пространства и теории габитуса особое место уделяется истории, которая формирует исторический опыт, являющийся, наравне с личным опытом, приобретенным в рамках нахождения на определенной позиции в обществе, одним

из производителей габитусов, как групповых, так и индивидуальных [5, с. 119], данная концепция достаточно медленно пополняет копилку исследовательского багажа историков. До сих пор идеи Бурдьё почти не использовались в рамках антиковедения (нам они встречались только в ряде работ, посвященных биографии тех или иных политических деятелей, оказавшихся на распутье), при этом в основном они оказываются в сфере биографических описаний (Аларих [8], Гайна [9]), оставаясь в рамках социологии или истории более поздних периодов, где количество материала и источниковой базы позволяет более детально и предметно рассмотреть состояние того или иного социума в процессе его развития. Однако и в рамках истории позднеимперского государства, заявленного в теме нашей статьи, мы обладаем достаточным количеством материалов (от верхушечных законов до писем граждан империи) и эмпирических данных, позволяющих нам сделать ряд теоретических обобщений.

Переходя к рассмотрению понятия габитус и возможности его применения к описанию исторических данных в первую очередь важно разобраться с ключевыми понятиями данной теории, лежащими в ее основании. Так, при детальном изучении оказывается, что категория габитуса, задающая специфику всей концепции Бурдьё, не смотря на свою априорную значимость, все же не является центральным понятием. Габитус является лишь производным продуктом исторического развития, индивидуальных черт, которые в свою очередь представляют собой ментальные границы между «я» агента и другим, между присвоением физического пространства и интериоризацией его черт в рамках своих внутренних диспозиций, приобретенных в период нахождения агента на какой-либо социальной позиции с определенным набором благ и возможностей доступа к различным капиталам. Габитус, таким образом, есть то, что в своей деятельности характеризуется воспроизведением социальных структур и диспозиций, то, что генерирует существующие в обществе практики, то есть все виды деятельности агента [5, с. 122] и объективно адаптирует их к социальным отношениям, на основе которых они и появились [2].

Для нас в рамках исследовательских задач важным является то, что габитус, согласно Бурдьё, представляет собой «... прочно усвоенные диспозиции в отношении возможного и невозможного, свобод и необходимостей, попущений и запретов, вписанных в объективные условия, что наука фиксирует как статистические закономерности или же как вероятности, объективно закрепленные за какой-либо группой или классом» [цит. по: 3]. Эти усвоенные диспозиции, объективным образом совместимые с данными условиями, оказываются заранее адаптированными к их требованиям. Именно характерные структуры одного определенного класса условий существования через экономическую и социальную необходимость формируют структуры габитуса, которые, в свою очередь, лежат в основе восприятия и оценивания всякого последующего опыта. Таким образом, диспозиции, оформленные в габитусе, при лапидарном формулировании концепта автора, представляют собой их «прочную усвоенность» [7, с. 44], в силу чего габитус – это «... не что иное, как имманентный закон, вписанный в тела сходной историей, которая суть условие не только согласования практик, но и практик согласования» [цит. по: 3].

Кроме того, специфика проявления диспозиций увязывается здесь с символической борьбой. По мысли автора концепции, суть заключается в том, что структура поля – это состояние соотношения сил между агентами или институтами, вовлеченными в борьбу или распределение специфического капитала, который, также являясь результатом предшествующей борьбы, направляет в свою очередь и последующие стратегии [7, с. 44].

Итак, если мы хотим изменить мир или, по крайней мере, условия своего существования в нем, то, следуя П. Бурдьё, нужно изменить способы, по которым он формируется, то есть видение мира и практические операции, посредством которых конструируются и воспроизводятся социальные группы. Символическая власть, чьей образцовой формой служит власть образовывать группы, либо заставить признать уже сложившиеся, основана на обладании символическим капиталом, где символический капитал, по Бурдьё, представляет собой доверие, власть, предоставленную тем, кто получил достаточно признания, чтобы быть в состоянии внушать признание. Поэтому власть внедрять в чужой ум старое или новое видение социального деления зависит, в свою очередь, от социального авторитета, завоеванного в предшествующей борьбе. И в этом смысле символическая власть есть власть конструирования мира (делить и объединять, производить декомпозицию, анализ, композицию, синтез и т. д.), это символическая борьба за производство здравого смысла, очень часто внешне напоминающего свободу, борьба за монополию легитимной номинации принуждения, при этом ощущаемую «... не более чем тяжесть воздуха» [5, с. 123].

Еще одно из важнейших понятий теории П. Бурдьё – понятие «социального пространства», понимаемое как символическое образование, состоящее из совокупности полей (или автономных систем социальных отношений между позициями), в рамках которых происходит распределение различных видов ресурсов и благ, именуемых капиталами. Эти капиталы являются и инструментами, и целями своеобразного противостояния агентов за право транслировать другим свой реализованный опыт и навязывать «монополию легитимной номинации». Также постоянный доступ или обладание капиталами способствуют выстраиванию собственных, более индивидуальных, насколько это возможно в рамках господствующих условий, стратегий развития.

Таким образом, социальный мир, по мысли Бурдьё, представляет собой пространство столкновения различных сил за право производить, навязывать и внушать его легитимное видение, в силу чего владение легитимными смыслами становится владением самого мира. В этой борьбе за владение знаком в социальной реальности габитусу принадлежит, конечно, специальная роль, как устойчивому образованию, которое фактически претендует на роль социального тела любого индивида, включенного в социальное взаимодействие. И эта «структурирующая структура», по мысли Бурдьё, реализует в личной практике социального агента (носителя габитуса) программу данного общества, в зависимости от социального положения, которое агент в обществе занимает. При этом особая роль этого габитуального образования заключается в трансляции легитимации, от имени которой осуществляется социальный порядок на основе того, что габитус содержит

в себе объективный фундамент упорядоченности поведения, являясь системой предрасположенности к практике [6, с. 116]).

Так чем же может быть примечательна эта теория для изучения периода поздней античности III-V вв.? Ответ на этот вопрос кроется в самой специфике данного и столь неоднозначного периода, когда происходят масштабные и стремительные изменения объективных условий существования античного мира: изменение экономических отношений на периферии государства, а в самой империи, когда происходит процесс закрепления нового государственного порядка – домината, и следом – переход к новой религиозно-идеологической системе. Если использовать терминологию Бурдые, то можно сказать, что происходит стремительная смена «*диспозиции* императора» в представлениях граждан: его социальной, а следовательно, и властной позиции относительно своего прежнего «метафизического положения» (от унаследованного еще от принцепата «первый среди граждан» через ассоциацию личности императора с божеством, о которой пишет Аврелий Виктор [1, с. 114], к христианскому положению «ставленника Бога», как это предполагает монотеистическая религия, где метафизическое «вынесено» за пределы мира материального). Прибегая опять к терминологическому словарю Бурдые, отметим, что этот процесс, вызванный наличием у центральной императорской власти *символического капитала* (т. е. престижа, авторитета), происходил в максимально быстрые сроки через череду гражданских войн. При этом за римлянами, особенно за элитами, оказавшимися подчиненными *полю* «знать» и связанными с соответствующим *групповым габитусом*, прочно удерживался статус носителей символических систем, организующих культурные практики, навязывающих их легитимное господство и соответствующее видение мира, а именно: концентрированным воспроизведением бытовавших со времен республики коллективных представлений римоцентристского характера.

Стоит также отметить, что ставшие доступными результаты исследований западного антиковедения второй половины XX века пошатнули устоявшиеся взгляды на античное общество как на совокупность разобщенных групп. Состав сообщества, населявшего римскую империю, оказался более однороден и гораздо менее этноцентричен, с поддержкой аутентичной формы существования населения [11, с. 268]. Это дает нам повод сделать вывод о существовании на территории империи единого *социального пространства* и схожих по статусу *диспозиций* агентов с их определенными характеристиками. В данном случае немаловажным является и то, что они были связаны с территорией проживания, взаимоотношениями между центральной политической элитой, главная задача которой состояла в сохранении *символического капитала* на местах, где существовали свои претенденты с вполне конкретными целями, доступом к политическим благам, и местными провинциальными, уже глубоко романизированными элитами, считавшими себя вправе вмешиваться в деятельность центра.

Еще одной существенной проблемой является для нас вопрос романизации и варваризации как трансляции культурных практик или смыслов той или иной группы населения другим группам. В данном случае имеется в виду то, что если процесс романизации как способ приобщения к римским культурным эталонам

инокультурных групп (обычно неримлянам, волею судеб оказавшимся в пределах Империи) можно проследить с учетом предыдущего опыта поведения римского и неримского населения (например в период присоединения территорий к государству), то с варваризацией, постигшей западноримские провинции в V–VI веках, ситуация была не столь определенной. Следует отметить, что мы также имеем здесь возможность проследить и процесс *гистерезиса*, означающего у Бурдьё механическое воспроизведение социальных отношений [6, с. 117], в рамках которых и появляется такой габитус, который транслирует уже нечто отжившее, не соответствующее действительности, то есть в условиях, когда социальные отношения изменились или агент занял другую позицию. В нашем случае гистерезис отражается в том, что римские граждане и магистраты, оказавшись в новых условиях, продолжали (более того, добивались успехов в новой обстановке) транслировать «римский опыта» ведения дел и быта и использовали свои знания для предоставления услуг новым властям по формированию у них необходимого для легитимации действий символического капитала, однако при этом полагая, что восстановление римского господства – дело ближайшего времени [10, с. 18].

Итак, несмотря на то, что пик интереса к идеям П. Бурдьё уже пройден, как мы увидели, потенциал габитуальной теории французского исследователя в исторической науке не исчерпан. По крайней мере предпринятое нами совмещение социологического концепта с конкретным историческим материалом дало возможность рассматривать происходящие в античном обществе процессы как бы «изнутри», прикоснуться к неочевидным предусловиям социально-исторического выражения как массового сознания, так и сознания элит. Методология дешифровки исторических процессов с точки зрения социальных универсумов, предлагаемая П. Бурдьё, вполне очевидно является эффективной и плодотворной для понимания ментальных оснований исторического материала в эпоху радикальных перемен.

Библиографический список

1. Аврелий, Виктор. О цезарях : монография / Виктор Аврелий // Римские историки IV века. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 414 с.
2. Бурдьё, П. Структура, габитус, практика / П. Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. I. – Вып. 2. – <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> – 8.10.2016.
3. Бурдьё, П. Структуры, habitus, практики // П. Бурдьё // Практический смысл ; пер. с фр. : А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя ; М. : Институт экспериментальной социологии, 2001. – 562 с.
4. Воронцов, А. В. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдьё / А. В. Воронцов, И. А. Громов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 4. – С. 82–102.
5. Гредновская, Е. В. Проблема телесной свободы и детерминированности в концепции габитуса П. Бурдьё / Е. В. Гредновская // Вестник Южно-Уральского

государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2009. – № 9(142). – С.120–124.

6. Гредновская, Е. В. Габитус как «социальное тело» принуждения / Е. В. Гредновская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2010. – № 8(184). – С.116–120.

7. Гредновская, Е. В. Социальное пространство П. Бурдьё: иллюзия свободы и гармония принуждения / Е. В. Гредновская // «Nomoholistic: человек целостный»: сборник научных статей; отв. редакторы Е. В. Гредновская, С. П. Решикова. – Челябинск, 2011. – С. 33–53.

8. Коньков, Д. С. Аларих – Свой среди чужих: путь к взятию Рима / Д. С. Коньков // Известия Томского политехнического университета. – 2014. – № 6. – С. 100–111.

9. Коньков, Д. С. Готы и Империя: восстание Гайны как кризис идентичности / Д. С. Коньков // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – № 6. – С. 245–249.

10. Шувалов, П. В. Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491–641 гг. : монография / П. В. Шувалов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. – 304 с.

11. Хизер, П. Падение Римской империи : монография / П. Хизер ; пер. с англ. А. В. Короленкова и Е. А. Семеновой. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 795 с.